

Т. В. АНДРЕЕВА

РАБОТЫ П. М. СТРОЕВА ПО ГЕНЕАЛОГИИ

Павел Михайлович Строев известен прежде всего как археограф, с его именем связаны крупные публикации исторических источников. Однако в ранний период (10—30-е гг. XIX в.) в его научном творчестве заметное место занимала также генеалогия.¹

Уже в исторической литературе XVIII в. привлекались в качестве источников княжеские родословные, сложились определенные традиции составления родословных росписей и таблиц, но значительная часть генеалогических материалов к этому времени еще не была достаточно обработана и изучена.

Основными источниками для исследователей XVIII в. служили летописи и «Бархатная книга», однако уже в то время отношение историков к их достоверности было весьма осторожным. Так, Ф. Эмин, автор «Российской истории...», писал, что «в Родословии Российских князей, Бархатною книгою называемом, которую переписики, есть ли она когда-нибудь была справедлива, перепортили так, что ничего теперь истинного из оной понять не можно».²

Однако, несмотря на категоричность этих заявлений, исследователи XVIII в. понимали большую важность генеалогических источников, о чем свидетельствуют издания материалов по княжескому и дворянскому родословию, предпринятые Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике». Им были введены в научный оборот такие родословные памятники, как Зерцало историческое государей российских,³ Родословные князей Голицыных,⁴ Родословные князей Куракиных.⁵

Наряду с этими изданиями и княжеские, и дворянские родословные становятся объектом специального изучения.⁶

Собственно родословные таблицы (княжеские) впервые были составлены М. М. Щербатовым в Приложениях к 1-му и 3-му томам «Истории Российской от древнейших времен». Они представляли собой выполненные графически росписи княжеских поколений по нисходящей смешанной линии от Рюрика до потомков Дмитрия Ивановича (Донского).⁷ Но их некоторая громоздкость и нечеткость изображения родственных связей привели к тому, что они, по выражению Строева, остались «вне употребления».⁸

В 1802 г. вышла в свет «История Российского государства» Х. Стриттера, в приложениях к которой имелись родословные росписи (5 таблиц к 1-му тому и 15 таблиц ко 2-му).⁹

Таким образом, к моменту разработки Строевым княжеского родословия начали складываться традиции в работе с этими важными историческими источниками, создавались условия для развития генеалогии, которая все же «еще не стала предметом теоретического осмысления, не было ее определения, отсутствовало единство в формах родословных».¹⁰

Исследованию родственных связей великих князей и феодальной знати посвящены две работы Строева, неразрывно связанные между собой. Это статья «О родословии владетельных князей русских» и очерки «Родословный чертеж поколений владетельных князей русских». Вначале он предполагал издать «Исторический, генеалогический словарь, показывающий: рождение, бракосочетание, деяния и кончину Российских императоров, царей и великих и удельных князей...».¹¹ Но поскольку эта книга так и не вышла в свет, то извлечения из нее Строев поместил в «Сыне отечества» за 1814 и 1815 гг.

В статье «О родословии...» Строев наряду с изучением родословных коснулся и общих вопросов генеалогии как науки. Он указал на большую ценность данных генеалогии при разработке важнейших аспектов истории Древней Руси. По его мнению, генеалогия «проясняет происшествия... открывает причины несогласий и междоусобных войн... Но сего мало — скажем: что была бы История Русская без родословия? Бесчисленное множество князей, кои имели особые уделы, участвовали в важных событиях, вели безпрестанные войны, делают ее сбивчивою, а одинаковые их имена затрудняют читателя. Одно родословие служит Ариадниною нитью в лабиринте междоусобий».

Выясняя причины составления родословных книг, Строев находит истоки его в так называемом «местничестве», когда «военные и гражданские должности и чины получались посредством древности рода, а личные заслуги почитались недостаточными».¹³ Это была система служебных отношений, основанная на том, что первоначальное положение рода зависело от положения его членов в момент перехода на службу к московскому великому князю, так что первый ряд занимали потомки великих и удельных князей и т. д. Это заставляло каждого боярина или дворянина иметь свое родословие, «которое служило доказательством его требований на преимущества, доставляемые местничеством», что «подавало повод ко многим злоупотреблениям» посредством составления ложных родословных.¹⁴ Этими выводами Строев наглядно показал, что материалы родословных книг требуют более осторожного к себе подхода.

В своем анализе источников родственных связей владетельных князей автор указывал не только на летописи и другие повествовательные памятники, но уделял большое внимание официальным документам — договорам, духовным завещаниям князей и другим грамотам, а в особенности же родословным книгам. Их он характеризовал как «главный источник». При этом, считая их не вполне достоверными, Строев предлагал один из методов работы с данными свидетельствами, указывая, что «вооруженный глубокой проницательностью и строгою критикою родослов сличением нескольких книг, в разное время писанных, может отделить верное от подложного».¹⁵ Кроме «главных» источников (летописей, родословных книг и т. д.), он называл и «побочные», к которым,

по его мнению, относятся «малые родословные», т. е. частные родословные росписи и росписи, приложенные к местным летописям.¹⁶

Характеризуя литературу, посвященную княжеской генеалогии, Строев называет несколько работ и дает свою оценку родословных росписей М. М. Щербатова, таблиц Х. Стриттера и специального трактата М. Г. Спиридова «Описание служб благородных российских дворян».¹⁷ Положительно оценивая некоторые таблицы и росписи (особенно роспись князей Черниговских у Стриттера), Строев указывает на недостатки, в первую очередь на «совершенное последование Бархатной книге, недостаток критики и несоответственность летосчисления».¹⁸

Продолжением работы в области генеалогии было для Строева составление очерков княжеского родословия в работе «Родословный чертеж поколений владетельных князей русских». Эти очерки ограничены определенными хронологическими рамками и разделены на две части: первая — от основания Русского государства до нашествия татаро-монголов, вторая кончается созданием единого Русского государства, которое он относит к концу XV в. Необходимость такого разделения Строев видел в том, что при нашествии татар «некоторые роды истребляются совершенно; многие княжества, имевшие своих собственных владетелей или зависевшие от других княжений, переходят к другим княжеским поколениям..., а роды удельных князей превратились в дворянские».¹⁹

Принцип составления строевских очерков связан с пониманием им разновидности родства. Все поколение владетельных князей русских он разделил на роды и отрасли. Род ведет от прямого наследования от какого-нибудь из сыновей Владимира I Святославича — род князей Киевских, род князей Полоцких и др. Отраслевое деление предполагало: 1) «главные отрасли», которыми он считал идущие непосредственно от главных родов; 2) «происходящие», иными словами, происходящие от главных отраслей; 3) «побочные отрасли» — отрасли, включавшие поколения, перешедшие от одного рода или отрасли к другим по «женскому колену или иным каким способом».²⁰

Очерки, составленные по географическому принципу, содержали исследования каждого из родов по нисходящей от великих князей киевских. Строев, кроме Киевского великого княжения, выявил еще три главных рода, от которых производит другие роды и отрасли — род князей Черниговских, род князей Полоцких, род князей Чермнорусских. Внутри каждого очерка имелись сведения, относящиеся к истории каждого рода или отрасли с отсылками на источники. В своих изысканиях Строев, как правило, использовал летописные материалы — Никоновскую летопись, Софийскую летопись, новгородские летописи; росписи Бархатной книги; документальные публикации «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новикова и «Библиотеки Российской исто-

рической» под редакцией И. С. Баркова; кроме того, в одном случае, при определении источников по родословию князей Полоцких, он указывает на Ростовскую и Волынскую летописи, которые использовались В. Н. Татищевым в его «Истории».²¹

Генеалогическая литература представлена ссылками на «Историю российскую...» В. Н. Татищева, «Историю» М. М. Щербатова, «Историю Российского государства» Х. Стриттера, а также специальными исследованиями по истории отдельных областей.²²

В отношении Строева к источникам и литературе прослеживается присущая ему как историку критическая направленность. Так, в очерках о князьях Рязанских и Черниговских дана характеристика росписей Щербатова и Стриттера, негативно оценивающая отсутствие и пропуски отдельных поколений князей. В некоторых случаях Строев, не доверяя летописным свидетельствам и данным других исследователей, останавливает родословную нить, полагая, что, «быть может, со временем отыщутся особые летописи или другие какие-либо источники, из коих родословы дополнят недостаток».²³ Очень осторожен Строев при работе с «Бархатной книгой». Так, ведя родословную князей Муромских с Давида Георгиевича, князя Рязанского, он пишет, «что случилось в сем княжении в течение XIII и первой половины XIV веков и продолжалась ли непрерывная цепь князей, этого сказать мы не можем. Хотя Бархатная книга и выщитывает четырех князей, от этого первого князя Муромского Давида Георгиевича до упомянутого Георгия Ярославича, но сомнительно, чтобы четыре князя могли жить в продолжение полутора века».²⁴

Как уже говорилось, статья «Родословный чертеж поколений владетельных князей русских» была разделена Строевым на две части и опубликована в двух номерах «Сына отечества». Вторая часть статьи была напечатана в № 52 за 1815 г. Здесь он прослеживает начало княжеского родословия с 1238 г., с разделения Ярославом Всеволодовичем русских княжений, спасшихся от татарского уничтожения, в связи с чем 1238 г. он называет «временем возрождения княжеских поколений». В ходе анализа каждого из спасшихся родов по нисходящей линии родства, с разделением на степени, Строев, верный принципам критического подхода к источникам, особо указывает на те из них, о которых нет достаточных свидетельств.

Заканчивая труд о родословии владельческих князей русских, он пытается выявить условия, необходимые для развития генеалогии как особой отрасли знания, для чего, по его мнению, необходимо «отыскать частные летописи малоизвестных уездов, издать в свет другие источники и вообще доставить родословам все необходимые средства».²⁵ Хотя и «Родословие...», и «Родословный чертеж...» Строева имели определенное значение, но в научный оборот они не вошли и не были использованы впоследствии. Это произошло, по-видимому, потому, что данные работы полностью были использованы самим Строевым в его основном генеа-

логическом труде — «Ключе к Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, который получил широкое научное признание.

Вскоре после выхода в свет работ Строева по княжескому родословию государственный канцлер Н. П. Румянцев пригласил его в Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД) для работы в должности главного смотрителя над изданием «Собрания государственных грамот и договоров».²⁶ На Строева возложили обязанности проверять и править описи, окончательно приготавливать материалы к печати, составлять указатели — исторический, географический, именной. Строев принял участие в издании II и III частей «Собрания», которое продолжалось несколько лет. МАКИД, преемник древнего архива Посольского приказа, содержал ценные генеалогические источники: родословные книги, составленные при царе Федоре Ивановиче, местнические дела XVI, XVII вв., портфели Г.-Ф. Миллера с родословными материалами.²⁷

В 1817 г. Н. П. Румянцев дал Строеву важное поручение — осмотреть и описать монастырские библиотеки и архивы Московской епархии (Волоколамского, Новонерусалимского, Воскресенского и других монастырей). В результате были обнаружены такие памятники, как Изборники 1073 г. князя Святослава Ярославича, Софийский временник, Судебники 1497 и 1550 гг. и др.²⁸

Таким образом, принимаясь за указатель к «Истории государства Российского», Строев уже имел опыт работы с историческими источниками. Возможно, что и многие генеалогические материалы были им почерпнуты именно из них, поскольку работа над «Ключом» началась в 1824 г. и была почти закончена еще до начала археографического путешествия. На предложение Строева составить алфавитный указатель, или «Ключ», к его труду Карамзин согласился: «Пожалуйте, замечайте ошибки; Вам они будут виднее, нежели мне. Всякое замечание Ваше для меня любопытно».²⁹ Сам Строев смотрел на свой труд как на «основание словарей исторического, генеалогического, древнегеографического и проч., коих недостает в нашей литературе».³⁰ «Ключ» состоит из трех отделов: указателя имен личных, указателя географического, указателя предметов по алфавиту.

Карамзинские росписи (всего 9 таблиц) хотя и «положили княжескому родословию основание прочное и уничтожили запутанность»,³¹ но в частности, что осознал сам историограф, были не совсем верны и очень неполны. Строевские таблицы (15 таблиц нисходящего типа) в отличие от росписей Щербатова и Стриттера были основаны, как и карамзинские, на географическом принципе построения линий родства.

Степень родства определяется от родоначальника Рюрика, при этом он не делает (в отличие от Карамзина, Стриттера и Щербатова) женской и супружеской линии, не указывает (как Щербатов) и на дворянские роды, идущие от княжеских. Но

стройность и четкость выполнения росписей, их компактность делают их очень удобными в употреблении и наглядными.

Таблицы Строева охватывали 600 владетельных князей и явились основой для последующих русских генеалогических трудов, поскольку родословия князей, появившиеся в 40—60-х гг. XIX в. (росписи Д. Тихомирова, Н. Г. Головина, Д. И. Зубрицкого и др.), представляли собой лишь компиляции из строевских.³²

Предложенная им методика составления родословных таблиц стала важным моментом в ходе оформления генеалогии в качестве вспомогательной науки, а графический характер их составления упростил понимание разновидности родства (обозначение степени родства, указание дат рождения и смерти и т. д.). Строевские таблицы использовались исследователями и в 80—90-х гг. в работах, посвященных отдельным проблемам генеалогии высшей феодальной знати, — это труды Г. А. Власьева, В. А. Румеля, В. В. Голубцова, А. В. Экземплярского, В. В. Зотова, М. Д. Хмырова.

Значение строевского «Ключа» высоко оценил А. С. Пушкин, который писал о нем в «Современнике», что, «издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами», и в письме к П. А. Вяземскому, отмечая его необходимость для исследователей, занимающихся историей Древней Руси.³³ Конечно, в некоторой степени в отзывах Пушкина есть преувеличение, имевшее, однако, полемический смысл, направленное против поверхностного отношения некоторых историков к источникам и противопоставляющее им тщательно проверенный и четко поданный Строевым конкретный материал.

Но были и критические высказывания. Так, в рецензии на «Ключ», напечатанной в «Северной пчеле» в 1837 г., С. В. Руссов подверг сомнению приемы автора и предложил иные методы составления подобного рода указателей.³⁴

В фонде Н. П. Лихачева в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР имеется рукопись Д. И. Зубрицкого «Введение в историю Галицкой Руси...», относящаяся к 40-м гг. XIX в., в которой автор, взяв за основу родословные росписи Строева к «Ключу», просмотрев тома ПСРЛ, изданные Археографической комиссией, еще раз изучив «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и «Повествование о начале земли Русской» Арцыбашева, выделил еще более 100 лиц, «ускользнувших от зоркого взгляда г. Строева». На рукописи Зубрицкого есть карандашные пометы Строева, указывающие на его отношение к замечаниям автора по поводу «Ключа».³⁵ По определению Строева, ошибки в таких работах были неизбежны, так как принципы составления справочного аппарата к научным трудам еще не были достаточно разработаны и его труд был одним из первых.³⁶ После участия в Археографической экспедиции, в результате которой были найдены новые источники, неизвестные Карамзину, Строев вновь возвратился к работе над «Ключом». Он был намерен к составленному им

указателю к ПСРЛ, издававшихся Археографической комиссией, приложить исправленные и дополненные родословные росписи, но в 1859 г. при переезде весь генеалогический материал был утерян.³⁷

В 1826 г., когда Строев уже заканчивал свою работу, у него появились два последователя. Один из них — П. А. Габбе, который работал над составлением алфавитной росписи предметов к «Истории государства Российского», в письме к П. М. Строеву от 4 июня 1826 г. писал: «Года четыре тому назад принялся за работу совершенно черную, но которая... должна принести пользу читателям Государства Российского... Однако соперничать с Вами было бы с моей стороны вовсе не благоразумно».³⁸ Другой — Н. Ахматов, издавший в 1847 г. «Атлас Географический, Исторический и Хронологический Российского Государства, составленный на основании Истории Государства Российского Н. М. Карамзина».

Полностью «Ключ» был издан в 1836 г.³⁹ Выход его в свет приветствовал Я. И. Беренников: «Я не могу наглядеться на этот „Ключ“, не могу довольно им налюбоваться: он у меня отпирает все замки... Я понимаю, как трудно было при составлении „Ключа“ разобрать генеалогию бояр; Вы распутали славно этот клубок... В течение 15 лет не выходило у нас столь необходимой, дельной и отчетливо составленной книги по исторической части».⁴⁰

П. М. Строев был одним из первых русских историков, который занимался генеалогическими исследованиями специально, в то время как до него генеалогический материал часто давался в качестве приложений к общим трудам по истории России. Ему были присущи высокая требовательность и критический подход к историческим источникам, в том числе к генеалогическим материалам. Так, в 1858 г. на запрос управляющего делами Гербовым отделением Департамента герольдии Б. В. Кене о происхождении рода Романовых—Юрьевых от Рюрика по женской линии он ответил вопросом: «Если это не тайна, для чего необходима натяжка, чтобы Филарет Никитич, личность сама по себе великая... непременно происходят от Рюрика, хотя бы по женской линии?».⁴¹

Составленные им очерки княжеской генеалогии и родословные таблицы по форме мало чем отличались от принятых в более раннее время, но в них был представлен широкий комплекс сведений и подробные ссылки на источники. Своей работой Строев показал, сколь велики возможности генеалогии для решения важных исторических задач.

¹ О работах Строева по генеалогии см.: Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 57, 61—62.

² Эмин Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. СПб., 1768, т. II, с. 477—478 (сн. А). — Об отношении к родословным памятникам В. Н. Татищева и М. М. Щербатова см.: Татищев В. Н. История Российская

с самых древнейших времен. М., 1768, кн. I, ч. I, с. 552—555; Щербатов М. М. Краткое историческое повествование о начале родов князей Российских, происходивших от великого князя Рюрика. М., 1785, с. 10.

³ Древняя Российская Вивлиофика, ч. I (январь—июнь 1773 г.). СПб., 1773, с. 66—72, 197—222, 355—369.

⁴ Там же, ч. IV (апрель—июнь 1774 г.). СПб., 1774, с. 161—268.

⁵ Там же, ч. V (июль—сентябрь 1774 г.). СПб., 1774, с. 395—419.

⁶ См.: Мальгин Тимофей. Зерцало Российских государей от рождения Христова с 862 г. по 1791 г. СПб., 1791; Воейков Ювеналий. Краткое описание о прославлении знаменитого рода Юрьевых—Романовых... М., 1798; Катерина II. Родословник князей великих и удельных родов Рюрика. СПб., 1793; О значении работ Г.-Ф. Миллера и М. Г. Спиридова см.: Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии..., с. 62.

⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770—1774, т. I—III, Приложения.

⁸ Строев П. М. Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. М., 1836, ч. II, с. 299.

⁹ Стриттер Х. История Российского государства. СПб., 1800—1802, т. I—II, Приложения.

¹⁰ Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии..., с. 63.

¹¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 5.

¹² Сын отечества, 1814, № 26, с. 286—287.

¹³ Там же, с. 287.

¹⁴ Там же, с. 287—288.

¹⁵ Там же, с. 292.

¹⁶ Там же, с. 293.

¹⁷ Там же, с. 288—289, 290.

¹⁸ Там же, с. 290.

¹⁹ Там же, 1815, № 51, с. 202.

²⁰ Там же, с. 202—203.

²¹ Там же, с. 217.

²² Например, Строев ссылается на «Историю губернского города Смоленска», изданную Мурзакевичем в 1804 г., и «Волынские записки» С. Руссова (СПб., 1809). — Там же, с. 211, 217.

²³ Там же, с. 212—213.

²⁴ Там же, с. 214—215.

²⁵ Там же, № 52, с. 252.

²⁶ Срезневский И. И. Воспоминания о П. М. Строеве. СПб., 1877, с. 3—5.

²⁷ Савельев Л. М. Лекции по русской генеалогии. СПб., 1908, с. 59.

²⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 24—56.

²⁹ Там же, с. 95.

³⁰ Строев П. М. Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, Вступление, с. IV.

³¹ Барсуков А. П. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887, с. 32.

³² Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии..., с. 62.

³³ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949, т. XII, с. 136; М., 1941, т. XIV, с. 75; Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии..., с. 62.

³⁴ Северная пчела, 1837, № 150.

³⁵ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ф. 238, оп. 1, ед. хр. 604.

³⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 99—103.

³⁷ Там же, с. 582—583.

³⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 291, № 2249, ед. хр. 10, л. 239.

³⁹ В письме к Д. И. Языкову от 14 октября 1836 г. Строев пишет: «Наконец, после десятимесячных тяжелых трудов, я окончил печатанием составленную мною книгу: „Ключ“ к Истории Карамзина». — Цит. по: Андреев А. И. Из переписки П. М. Строева. — ЛЗАК, т. XXXV, № 51, с. 227.

⁴⁰ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 300.

⁴¹ Там же, с. 567.